

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ: КАКИМ БЫТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ЗНАНИЮ?

Ананьин Олег Игоревич – кандидат экономических наук, заслуженный профессор.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Российская Федерация, 109028, г. Москва, Покровский б-р, д. 11.
Ведущий научный сотрудник. Институт экономики РАН.
Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский просп., д. 32;
e-mail: ananin@hse.ru

В статье предложен новый взгляд на формирование экономики как науки, основанный на гипотезе сосуществования в XVII–XVIII вв. целого спектра проектов организации научного экономического знания, отразивших соответствующие научные программы проходившей в ту эпоху научной революции. Анализируются пять таких проектов: проект консервативной трансформации экономического знания Джеймса Стюарта; баэкианские проекты: статистический Уильяма Петти и инженерный Джона Ло; социально-философский проект Д. Юма и теоретический проект Ричарда Кантильона. Каждый проект рассматривается и в контексте его возникновения, и сквозь призму последующей судьбы его основной идеи. Делается вывод, что признание в XIX в. экономики наукой в форме классической политической экономии было победой проекта Кантильона, развитого в трудах Кенэ и Адама Смита. Этот теоретический проект отвечал научным стандартам, утвердившимся во второй половине XVIII в., консолидировал тогдашнее экономическое знание вокруг универсальной онтологической схемы экономики как предмета новой науки и соответствовал идеологическим запросам эпохи. Однако рационалистическая траектория развития экономической науки имела и свою цену. Усложнение теоретического аппарата часто достигалось за счет абстрагирования от черт реальности, которые сложно измерить или смоделировать, а формы экономического знания, представленные в альтернативных проектах, остались на периферии внимания.

Ключевые слова: история экономической мысли, экономическая наука, научная революция XVII–XVIII вв., Ричард Кантильон, Джеймс Стюарт, Уильям Петти, Джон Ло, Дэвид Юм, Адам Смит

FRUITS OF THE ENLIGHTENMENT: WHAT SHOULD ECONOMIC KNOWLEDGE BE LIKE?

Oleg I. Ananin – CSc in Economics, Distinguished Professor.
HSE University.
11 Pokrovskiy Boulevard, Moscow 109028, Russian Federation.
Leading Researcher. Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.
32 Nakhimovskiy Av., Moscow 117218, Russian Federation;
e-mail: ananin@hse.ru

The article offers a new view on the formation of economics as a science, based on the hypothesis of a coexistence in XVII–XVIII centuries of a range of projects of scientific economic knowledge reflecting the relevant scientific programs of the scientific revolution in that era. Five such projects are analyzed: James Stuart's project of conservative transformation of economic knowledge; the Baconian projects: William Petty's statistical project and John Law's engineering project; D. Hume's socio-philosophical project; and Richard Cantillon's theoretical project. Each project is examined both in the context of its origin and through the prism of the subsequent fate of its main idea. It is concluded that the recognition of economics in the XIX century as a science in the form of classical political economy was a victory for Cantillon's

project, which was later developed in the works of F. Quesnay and Adam Smith. This theoretical project met the scientific standards established in the second half of the XVIII century, consolidated economic knowledge of that period around the universal ontological scheme of economy as the subject of the new science, and met the ideological demands of the era. However, the rationalist trajectory of economic science also had its price. The sophistication of the theoretical apparatus was often achieved by abstracting from features of reality that were difficult to measure or model, while the forms of economic knowledge represented in alternative projects remained on the margins of attention.

Keywords: economic science, scientific revolution of XVII-XVIII centuries, Richard Cantillon, James Steuart, William Petty, John Law, David Hume, François Quesnay, Adam Smith

Экономика как наука сформировалась в Западной Европе в эпоху Просвещения под влиянием двух фундаментальных процессов: трансформации традиционного общества в рыночную экономику и становления современной науки в ходе научной революции. Совмещение этих процессов служило питательной почвой для постановки вопроса о характере экономического знания. Как было ранее показано (см. [Ананьин, 2023]), новые экономические реалии диктовали спрос на научное знание об экономических явлениях, а развитие научной революции генерировало спектр научных программ, предлагающих пути его удовлетворения. Это стало питательной средой для возникновения различных образов экономического знания и проектов его организации.

Проект Джеймса Стюарта

Сочинение Джеймса Стюарта *«Исследование принципов политической экономии: Опыт о науке внутренней политики свободных наций»* (1767 г.) вышло всего за девять лет до *«Богатства народов»* А. Смита, наметив путь консервативной трансформации экономического знания. Основные источники проекта Стюарта – это социальная философия Шарля-Луи де Монтескьё и камерализм (от нем. Kammer, или палата, как называли государственные учреждения), или немецкая версия меркантилизма.

Монтескьё привлек внимание Стюарта своим особым толкованием естественно-правовой традиции. Так, идею универсальной природы человека, основанной на неизменных естественных законах, он свел в основном к законам материальной, или инстинктивной, стороны его бытия, к тому, что проистекает «из устройства нашего существа» [Монтескьё, 1955, web], а именно: «стремление добывать себе пищу» и «удовольствия... связанные с различием

двух полов» [Монтескьё, 1955, web]. В центре его внимания оказалось право позитивное, в рамках которого законы устанавливаются самими людьми. Эти законы «должны находиться в таком тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа» [Там же, гл. 3]. «Дух законов» зависит, по Монтескьё, не только от климата и почвы, но и от географии, образа жизни людей, религии и т.п. факторов [Там же]. Такой подход резко выделял Монтескьё на фоне главных идеологов Просвещения. Для них естественные законы были фундаментом универсального естественного порядка¹. «Весь настрой сочинений Монтескьё, – замечал Исайя Берлин, – вызывал некое ощущение их подрывного характера по отношению к принципам новой эпохи», а Гельвеций даже уговаривал его отказаться от публикации «*Духа законов*» (см.: [Berlin, 1980, p. 145, 148]).

В этих спорах Стюарт встал на сторону Монтескьё, подчеркнув обусловленность универсальных характеристики человека: «Человек, как мы его знаем, во все времена и во всех странах, независимо от климата, действует одним способом – следует принципам частного интереса, выгоды, долга, своим страстям. Люди одинаковы только в этом и ни в чем ином» [Steuart, 1767, p. 5]. Соответственно, принцип разнообразия правовых систем, развитый в «Духе народов» Монтескьё, Стюарт распространил на область экономической политики: «Великое искусство политической экономии состоит в том, чтобы, во-первых, приспособлять различные ее (политической экономии) меры к духу, нравам, привычкам и обычаям народа, и уже затем формировать эти обстоятельства так, чтобы вводить в них новые, более полезные институты» [Ibid., p. 2].

В своих экономических взглядах Стюарт следовал традиции меркантилизма, с которой он познакомился в период своей длительной эмиграции, значительная часть которой прошла во Франкфурте на Майне и Тюбингене (см.: [Redman, 1996]). Эта традиция идеализированно отобразила административные практики абсолютных монархий в раздробленных государствах бывшей Священной Римской империи. Полновластные по отношению к подданным, их правители были зависимы от внешних рынков, что вынуждало их заботиться о конкурентоспособности местных производителей. Так появилась потребность в кадрах чиновников, способных собирать налоги и находить эффективные пути использования полученных средств. В конце 20-х гг. XVIII в. сначала в немецких университетах, а позже и во многих других странах

¹ Так, физиократ Дюпон прямо оппонировал Монтескьё: «Существует один порядок – естественный, важнейший и всеобщий... от которого общества не могут отклониться без потери своего существования... [в]от чего не знал Монтескьё...» [Дюпон, 2008, с. 492].

Европы, включая Россию, появились кафедры камералистики, готовившие такие кадры² [Tribe, 2007, p. 8–15; Расков, 2019].

Интеллектуальная среда в Германии отличалась от британской. Если в Англии государство представлялось Локку результатом контракта, заключенного самими индивидами, и не предполагало их подчиненности монарху, то в Германии интеллектуальную атмосферу эпохи во многом определяли философы Лейбниц и Х. Вольф, для которых государство было самостоятельной субстанцией в духе лейбницевой «монады». Примером для Лейбница служила меркантилистская политика времен Людовика XIV, которую он наблюдал в период своего пребывания во Франции (см.: [Reinert, 1997, p. 250, 256]). У Вольфа государство выступало просвещенным деспотом, заботящимся о разных сторонах жизни домохозяйств, будь то питание или образование, чистота воды или охрана леса³ (см.: Moggach, 2009, p. 1003, 1007)].

Государство Вольфа, приспособленное в духе идей Монтескье к условиям естественной и культурной среды, – так вкратце выглядела экономическая доктрина Стюарта. В ней нашел отражение весь спектр научных программ эпохи Просвещения. Стюарт начинал, следуя Бэкону, изучением международного опыта хозяйствования; абстрагировал из него, по Декарту, главные элементы в виде «принципов политической экономии» (по сути, частные экономические теории торговли, денег и т.п.); и, как у Аристотеля, оставлял «мудрому правителю» определять способ комбинирования этих принципов так, чтобы экономическая политика отвечала «духу народа»⁴.

² Представления камералистов об экономике опирались на античную традицию, восходившую к Ксенофону и Аристотелю. «Экономическая наука, или искусство домашнего и сельского хозяйства [Haus-Wirtschafts- und Haushaltungskunst], – утверждалось в одном из пособий по камералистике середины XVIII в., – озабочена тем, как за счет разумных усилий в городе и деревне добиться, чтобы пропитание и богатство содействовали достижению счастья» (Cited from: [Tribe, 2007, p. 11]). Правда, эти рамки уже тогда признавались узкими. Так, президент Университета Галле в обращении к королю Пруссии по случаю учреждения первой кафедры камералистики в 1727 г. иронизировал над «профессорами экономики», которые «не уверены даже в том, где растут колосья – на деревьях или в поле» [Ibid., p. 13].

³ Принципы Вольфа не стоит воспринимать как описание реальности. Во многом они были нацелены на улучшение имиджа государственного чиновника, которого широкая публика воспринимала весьма негативно. Как признавал один из видных камералистов первой волны И. Бехер, «старая песня, что камералисты никому не платят, много собирают и большую часть из этого оставляют себе», ясно показывает, что думает о них народ» (Cited from: [Wakefield, 2009, p. 7]).

⁴ «Торговые нации Европы, – по Стюарту, – подобны флоту из кораблей, каждый из которых стремится первым прибыть в определенный порт. На каждом государь – его капитан. В их паруса дует один ветер; этот ветер – принцип собственного интереса... Естественные преимущества каждой нации – это разная мера качества плывущих судов, однако капитан, ведущий свой корабль с наибольшим

Но это был релятивистский проект, не претендовавший на построение универсальной социальной системы. Маркс назвал Стюарта «рациональным (курсив Маркса. – О.А.) выразителем монетарной и меркантилистской системы» [Маркс, 1962, с. 11], а современный исследователь Э. Скиннер определил его вклад формулой «laissez faire без глупостей», повторив Шумпетера, ранее применившего ее к лидеру поздних камералистов фон Юсти [Skinner, 2006, p. 92; Шумпетер, 2001, с. 220].

Экономическая мысль, ориентированная на хозяйственную политику, актуальна в любую эпоху. Немалая часть экономического знания, преимущественно прикладного, и сегодня принадлежит сегменту, продолжающему традицию, восходящую к Стюарту. В ее русле сложились историческая школа и американский («традиционный») институционализм, немецкий ордолиберализм и современная социоэкономика – те направления экономической мысли, которые сегодня называют «другим каноном» экономической науки [Reinert, 2004; Автономов, 2013]. Правда, у Э. Райнерта, автора этой классификации, речь идет о разграничении теорий *развития* и теорий *функционирования* экономики, позволившем выделить тематические ряды от Ренессанса до современности, не касаясь влияния на них научной революции, отделившей Ренессанс от века Просвещения⁵. Между тем Стюарт был как раз тем, кто попытался встроить «другой канон» в научный контекст своей эпохи, предложив систематизацию принципов экономической политики как особый способ организации экономического знания. В фокусе его внимания оказалось знание на службе рационального целеполагания волевых и – в идеале – этически ориентированных правителей, действующих в условиях разнообразия внешней среды. Такое знание коренным образом отличалось от того, что генерировал общенаучный канон, утвердившийся в результате научной революции. И не случайно альтернативное наименование, которое Райнерт дал «другому канону», – это «ренессансная экономика», чьи «ценности... никогда – ни до, ни после – не доминировали в картине мира так, как в период Ренессанса» [Там же, с. 22]. Стюарт принял эстафету тогда, когда «ренессансная экономика» уже теряла свой былой статус под влиянием французских

умением и изобретательностью... при прочих равных условиях, несомненно, выйдет вперед и удержит свое преимущество» [Steuart, 1767, p. 233].

⁵ Одно из следствий этого факта – отличие истории экономической политики от истории экономической науки: первая уходит корнями вглубь веков, вторая – продукт Нового времени. Многозначность термина «политическая экономия» позволяет трактовать ее историю в обоих вариантах. Если критерием считать советы правителям, то правомерно искать начало у Аристотеля (см., напр., [Tomaselli, 1995, p. 297]), если речь идет о научной мысли, то поиски ее истоков локализируются в столетие, охватывающее последнюю треть XVII и две трети XVIII вв. (см. [Groenewegen, 2002, p. 49]).

физиократов. После успеха «*Богатства народов*» роль канона закрепились за классической политэкономией и позже – за неоклассикой, оставив оппонентам удел «другого» канона.

Бэконские проекты: Петти и Ло

Лидирующие позиции заняли более радикальные проекты научного экономического знания, сформировавшиеся также в период господства меркантилизма, но раньше, чем проект Стюарта. В начале XVII в. даже попытки осмысления новых явлений, сопутствовавших становлению рыночной экономики, стилистически еще следовали схоластической традиции. Общество по-прежнему представлялось «политическим телом» с прозрачными монархическими коннотациями. Сословия мыслились как органы тела со своими функциями, а деньги – как аналог крови, которая, по каноническому учению Галена, производилась печенью и питала все остальные органы по команде головы⁶. К концу того же века все изменилось. Обновленная общенаучная среда нашла прямое отражение в экономической мысли. Философскими авторитетами у авторов экономических сочинений на рубеже XVII–XVIII вв. стали уже Бэкон, Декарт, Гоббс, Локк – деятели научной революции.

“*Novum Organum Scientiarum*” Ф. Бэкона вышел в свет в 1620 г., новая теория кровообращения У. Гарвея, низвергшая медицинскую систему Галена, – в 1628 г. В 1651 г. теория Гарвея позволила Гоббсу переосмыслить метафору «политического тела». Хотя деньги все еще мыслились «кровью государства», речь теперь шла о естественном процессе циркуляции денег, связывающем между собой части государственного механизма. И происходило это при их «свободном перемещении»⁷, т.е. независимо от ниспускаемой сверху воли суверена.

⁶ Представление о стилистике раннего меркантилизма дает дискуссия Ж. де Малина и Э. Мисселдена в начале XVII в. Оба были коммерсантами, но равнялись на схоластов, соревнуясь в эрудиции ссылками на античных и средневековых классиков, древних поэтов, и оперируя образами галеновской медицины. Так, Мисселден (1622), указывая на угрозы со стороны голландцев, пугал англичан словами: «...и тогда вены от печени нашего Великого Тела окажутся открытыми, избыток жизни из него выйдет, фонтан печени расстроится и ослабнет... Великое Тело истомится и со временем впадет в малярию или изнурительную лихорадку» (Cited from: [Finkelstein, 2000, p. 59]). О стилистике Малина можно судить по концовке его сочинения: «Золото – это само тело и кровь королей, деньги – посредник между подданными и их королями, торговля – чудо небесное, соединяющее их вместе» [Malynes, 1623, web].

⁷ «...[Д]еньги (из какого бы материала суверен государства их ни чеканил) являются достаточно удобным мериллом ценности всех вещей в сношениях между

Мысль о том, что кровообращение – это движение по кругу и что оно непрерывно, оказалась плодотворной для тех, кто искал закономерности в экономических явлениях. (см.: [Desmedt, 2005, p. 87]). Медику по образованию, Уильяму Петти аналогия с движением крови подсказала, как оценить количество денег в обращении, а другому медику – Дж. Локку – позволила развить мысль Петти в целую теорию скорости обращения денег (см.: [Петти, 1940а, с. 84–85; Локк, 2019, с. 76–78; Humphrey, 1993, pp. 2–6]).

Именно Петти стал пионером в деле реформирования экономического знания. Он учился медицине в Лейдене – ведущем медицинском центре тогдашней Европы, где раньше других университетов стали преподавать анатомию по Гарвею [Strauss, 1954; Knoeff, 2012; Aspromourgos, 2016], затем в Париже ассистировал Т. Гоббсу, а по возвращении в Англию активно сотрудничал с известным просветителем бэконинцем Сэмюэлем Хартлибом и включился в работу ряда неформальных сообществ, позже составивших ядро Лондонского Королевского общества. Не удивительно, что Петти стал одним из отцов-основателей и руководителей этого общества, с энтузиазмом восприняв его бэконинскую идеологию. То, что он назвал «политической арифметикой», было проектом новой эмпирической, основанной на статистике, науки. Приверженность эмпиризму не мешала Петти выдвигать и оригинальные теоретические идеи, что не противоречило заветам Бэкона и, возможно, отразило уроки ученичества у Гоббса. Шумпетер отнес его «к числу теоретиков, для которых наука – это измерение» [Шумпетер, 2000, с. 271]. В крылатых словах Петти: «...вместо того, чтобы употреблять только слова в сравнительной и превосходной степени и умозрительные аргументы, я вступил на путь выражения своих мнений на языке чисел, весов и мер... используя только аргументы, идущие от чувственного опыта, и рассматривая только причины, имеющие видимые основания в природе» [Петти, 1940б, с. 156] Шумпетер увидел отражение того, что «он сознавал полемичность своего методологического кредо и был готов бороться за него» [Шумпетер, 2000, с. 271]. Свою оценку Шумпетер снабдил ремаркой в сослагательном наклонении: «это был бы первый “спор о методах”» [Там же], пояснив далее, что: «никто не выступил против... [П]оследователей было мало, восхищались многие,

подданными данного государства. Благодаря таким мерилам все товары, движимые и недвижимые, способны сопровождать человека повсюду, где бы он ни находился; а также переходить от человека к человеку внутри государства. Свободно перемещаясь, деньги питают на своем пути каждую часть государства; тем самым этот (ценностный) сгусток выполняет в государстве, так сказать, кроветворную функцию. Ибо естественная кровь образуется точно таким же образом из продуктов земли и, циркулируя, попутно питает каждый член человеческого тела» [Hobbes, 1929, p. 193, перевод мой. – О.А.]

но огромное большинство очень быстро предало забвению этот метод... [П]ерспективная программа, способная вдохновить экономистов на новые направления исследований, увяла в руках шотландского профессора и на 250 лет была практически утрачена для большинства экономистов» [Шумпетер, 2000, с. 271]. «Шотландский профессор» – это, конечно, Адам Смит. Это он в «Богатстве народов» мимоходом заметил, что «не слишком верит в политическую арифметику» [Смит, 2007, с. 512]. Понять можно и Смита, и Шумпетера: первый понимал шаткость расчетов Петти, оперировавшего отрывочными данными, а второй оценивал изобретательность, с которой тот даже из скудных данных получал пусть неточные, но осмысленные оценки хозяйственных явлений XVII в. Проект Петти появился раньше, чем сложились условия для его успешной реализации.

Впоследствии попытки вернуть экономическую науку на эмпирико-статистический путь предпринимались неоднократно. В начале XVIII в. дело Петти продолжали его ученики Г. Кинг и Ч. Дэвенант. В середине XIX в. аналогичный проект, но уже на более солидной статистической базе, продвигали бельгийский статистик А. Кетле и его соратники в разных странах, особенно активно – англичане экономист Р. Джонс и энциклопедист-клерикал У. Хьюэлл. В начале XX в. на схожих принципах работало Бюро Экономического Анализа (БЭА) в США во главе с У. Митчеллом, а в Москве в Конъюнктурном Институте – коллектив Н.Д. Кондратьева. Наконец, уже в XXI в. развитие информационных технологий и методов анализа данных снова выдвинуло на повестку дня вопрос об атеоретическом повороте в науке (см. [Капелюшников, 2018]). Фактом, однако, является то, что ни одна из предыдущих попыток выстроить чистую эмпирическую экономическую науку успехом не увенчалась. А после знаменитой полемики Купманса против методологии БЭА в 1940-е гг. (см.: [Boumans, 2010, p. 38–50]) выражение «измерение без теории», закрепившееся за подходом БЭА, приобрело негативную коннотацию⁸.

Следуя заветам Бэкона, Королевское общество вовлекало в свою орбиту не только ученых, но также изобретателей и прожектёров. Применительно к экономике речь шла преимущественно о проектах учреждения разного рода банков. В основе этих начинаний лежал инженерный тип знания. Их целью было не столько познание сущего, сколько проектирование новых объектов реальности. Во второй половине XVII в. главным направлением в конструировании новых кредитно-финансовых механизмов стали проекты земельных банков, нацеленные на решение проблемы нехватки денег в стране

⁸ Характерно, что один из главных американских исследовательских центров середины XX в. – *Комиссия Каулса* – в 1952 г. заменила свой девиз 30-х и 40-х гг. «Наука – это измерение» на новый: «Теория и измерение» (См.: [Dimand, 2021, p. 961]).

(см.: [Ito, 2011]). Среди авторов таких проектов был и член Королевского общества медик Хью Чемберлен. Но самый известный пример финансовой инженерии относится к началу XVIII в. и связан с именем шотландца Джона Ло, реформатора финансовой системы Франции в 1716–1720 гг. Свои взгляды на организацию денежного хозяйства Ло изложил в трактате «Анализ денег и торговли с предложением, как обеспечить нацию деньгами» (1705). Трактат Ло – образец организации экономического знания инженерного типа. После определения основных понятий и постановки проблемы в двух первых главах Ло посвящает четыре главы критическому рассмотрению известных к тому времени подходов к ее решению. Далее следует основная глава, содержащая подробную – пошаговую – характеристику авторского проекта, и итоговая глава, живописующая пользу от его реализации. В первых главах есть и оригинальные теоретические постановки, и фактические данные (см., напр.: [Murphy, 2008]), но обоснование проекта строится на инженерной логике: сопоставлении разных способов достижения поставленной цели.

Проект Ло провалился: построенная им система оказалась финансовой пирамидой, которая в 1720 г. потерпела крах. Этим была предрешена и судьба его научного проекта, на многие годы ставшего негативным примером. Однако в конечном счете прав оказался Маркс, увидев в фигурах типа Джона Ло двойственность, придающую «им приятный характер помеси мошенника и пророка» [Маркс, 1961а, с. 485]. В XX в. денежные и финансовые системы ведущих стран перестраивались практически на тех же принципах, которые закладывались в систему Ло. Это заставило пересмотреть и оценку его идейного наследия (см.: [Murphy, 2018]).

Еще раньше, в XIX в., инженерный проект Джона Ло получил продолжение у нового поколения финансовых инноваторов, среди которых наибольшую известность получили сенсимонисты братья Перейр. На базе своего банка *Crédit mobilier* они внедрили финансовые схемы, позволившие вовлекать в оборот деньги мелких вкладчиков и за счет этого финансировать крупные долгосрочные проекты, в особенности железнодорожные (см.: [Cameron, 1953; Гершенкрон, 2015, с. 67–69, 82–83]). Другим примером соединения инженерного и экономического знания стала разработка группой французских инженеров из *Национальной школы мостов и дорог* (*École nationale des ponts et chaussées*) методов количественной оценки эффективности капитальных объектов. В отличие от финансовых проектов братьев Перейр, которые могли опираться лишь на общефилософские установки Сен-Симона и его последователей, прикладные исследования французских инженеров, в особенности Жюля Дюпюи, стимулировали выдвижение новых теоретических подходов, которые предвосхитили некоторые идеи маргиналистской революции конца XIX в. (см.: [Ekelund, 1978]). Наконец, в XXI в., на волне постмодернистского

недоверия к большим нарративам, вопрос о соотношении экономического и инженерного знания стал предметом дискуссий, а идея трансформации экономической науки в знание инженерного типа – одной из обсуждаемых позиций (см.: [Duflo, 2017; Duarte, 2020; Su, 2021]).

Проект Дэвида Юма

В XVIII в. обществоведческим мейнстримом, пусть и на обновленном, уже просвещенческом философском базисе, была по-прежнему естественно-правовая традиция. Она не предполагала выделение самостоятельной отрасли экономического знания. Для Кенэ, Смита и многих их современников экономические сочинения были частью более масштабных идейных конструкций⁹. Главным представителем этой тенденции был шотландский мыслитель Дэвид Юм.

Юм заявил о намерении развить универсальную «науку о человеке», состоящую из четырех основных разделов: логики, этики, критицизма и политики [Юм, 1996а, с. 56]. Экономические вопросы он относил к разделу о политике. Именно такое место они нашли в «*Политических рассуждениях*», вышедших в свет в 1752 г.

Необходимой предпосылкой «науки о человеке» служил постулат об универсальной природе человека. Юм предполагал, «что существует значительное единообразие в поступках людей всех наций и эпох и что человеческая природа всегда остается одинаковой во всех своих принципах и действиях» [Юм, 1996б, с. 70]. В свете скептического отношения Юма к абстрактным идеям и дедуктивным рассуждениям такое утверждение может показаться неожиданным¹⁰.

⁹ Современная историография относит физиократов к «экономическим философам» – авторам «политической теории с акцентом на фундаментальное значение экономической размерности социальной и политической жизни» [Steiner, 2018, p. 64]. Так, лидеру физиократов Ф. Кенэ, кроме знаменитой «Экономической таблицы», принадлежали работы на философские и политические темы, а трактат М. де Ла Ривьера, претендовавший на обобщение физиократического учения, назывался «*Естественный и необходимый порядок общественных учреждений*» (1767). Сходными были и намерения А. Смита. Он планировал «изложить общие основания законодательства и управления, а также коренные изменения, испытанные обществом в различные периоды своего развития как относительно правосудия, так и относительно финансов, управления, армии и всего, что входит в область законодательства». В конце жизни он признавал, что «*Богатство народов*» было лишь частью этого до конца так и не завершенного замысла [Смит, 1997, с. 30, 330].

¹⁰ Вопрос об отношении Юма к научным программам до сих пор вызывает споры (см.: [Hazon and Schliesser, 2016; Schabas and Wennerlind, 2020, ch. 2]).

Чтобы согласовать свою социально-философскую доктрину с эпистемологией эмпиризма, ему пришлось принять ряд дополнительных постулатов. Во-первых, он отверг противопоставление разума и опыта как «в сущности ошибочное» на том основании, что «аргументы, которые... считаются результатом одного лишь размышления и обдумывания... в конце концов приводят к некоторому общему принципу или заключению, для которого мы не можем указать никакого основания, кроме наблюдения и опыта» [Юм, 1996б, с. 38]¹¹. Во-вторых, Юм признал, что «верными и основательными» могут быть не только частные суждения, но и суждения, отражающие «общий ход вещей», изучение которого он определил в качестве «главной задачей философов» [Юм, 1996в, с. 66–67]. Стоит заметить, что это утверждение предвещает именно серию экономических очерков, что позволило современному исследователю заключить, что «его наиболее значимый вклад в экономическую доктрину выглядит априорным в традиционной картезианской манере» (см.: [Coleman, 1995, p. 71]).

Базируя свою «науку о человеке» на поведении людей, Юм делал упор на их психологию, в первую очередь, на их страсти и привычки. Он верил, что «[ч]естолюбие, скупость, себялюбие, тщеславие, дружба, великодушие, патриотизм – все эти аффекты, смешанные в различной степени и распределенные среди людей, с начала мира были и теперь еще остаются источником всех действий и предприятий, какие только когда-либо наблюдались среди человечества» [Юм, 1996б, с. 70–71]. Соответственно, экономические явления, такие как денежное обращение, выступали всего лишь внешней средой – фактором, детерминирующим поведение. Так, едва ли не самый влиятельный аналитический результат экономических исследований Юма – его анализ трансмиссионного механизма, связывающего денежные потоки между странами с потоками товаров и ценами на них, – был лишь звеном в цепочке рассуждений к выводу о том, что торможение общественного прогресса, «которое приписывают малочисленности звонкой монеты, в действительности есть результат привычек и свойств населения и что мы, как очень часто случается, по ошибке принимаем побочное последствие за причину» [Юм, 1996а, с. 90].

Тот же психологический подход лежал в основе отношения Юма к предметам роскоши. Обычно эта тема обсуждалась в контексте

¹¹ По оценке австралийского исследователя Коулмена, этот постулат Юма имел далеко идущие последствия: «Полагая, что *a priori* – это в действительности *a posteriori*, Юм реабилитировал в глазах эмпириков теории *a priori*. Полагая, что законы – это не что иное, как общие факты, известные из повседневной жизни, он дал возникавшей классической школе экономики метод, позволивший экономистам манипулировать общими принципами, сохраняя при этом уверенность в том, что они действуют как истинные эмпирики» [Coleman, 1996, p. 215].

проблем социального неравенства или неэффективного использования ресурсов, тогда как Юма больше интересовали механизмы общественного прогресса (см., напр.: [Sakamoto, 2008]), среди которых он выделял формирование у людей новых потребностей. В отличие от большинства современников, роскошь была для него орудием против косности, «ядом, который может служить антитодом к другому яду» [Hume, 1784, p. 297].

Таким образом, в рамках своей междисциплинарной теории общественного развития Юм хотя и придавал экономическим факторам большое значение, но не считал их предметом самостоятельной науки¹².

Политическая экономия приобрела характер отдельной науки только в XIX в. в трудах Д. Рикардо, а рациональным обоснованием этого взгляда стал методологический очерк Дж.С. Милля 1836 г. [Милль, 2007]. Однако статус экономической науки вызывал споры и в XIX в. (см.: [Zouboulakis, 2008]). Ведущим оппонентом выступал О. Конт с его программой социологии как всеобъемлющей науки об обществе. Среди экономистов сторонником Конта был ирландец Дж.К. Ингрэм, представитель британской исторической школы. О серьезности ситуации свидетельствуют события, произошедшие в *Британской ассоциации содействия развитию науки* в 1877–1878 г., в бытность Ингрэма председателем *Секции экономической науки и статистики* (секции F) этой Ассоциации. На фоне тогдашней публичной критики экономистов известный ученый Ф. Гальтон обратился в Совет *Ассоциации* с предложением ликвидировать эту секцию, полагая, что «предметы, обычно выносимые на Секцию F, не могут считаться научными в том смысле, как это принято в *Британской Ассоциации*» [Galton, 1877, p. 472]. Ингрэм ответил на этот демарш «асимметрично»: он высказался за то, чтобы «предметная область секции было расширена и охватила всю социологию», ибо «экономические факты, касающиеся общества... не могут научно рассматриваться в отдельности» [Ingram, 1962, p. 69].

Идея «растворения» экономической науки в более широкой тематической области снова вернулась в научный дискурс во второй половине XX в. в форме «экономического империализма» [Lazear, 2000], т.е. на основе экспансии уже «экономического подхода» на прочие сферы общественной жизни.

¹² План Юма в отношении «науки о человеке» вряд ли дает основание полагать, что «наука политики» как часть этого плана служила всего лишь прикрытием («umbrella term») для его экономики (см.: [Schabas and Wennerlind, 2020, p. 17]). Формальным индикатором места экономики в политической науке Юма может служить структура сборника *«Политические рассуждения»*, большая часть которого посвящена политическим темам.

Наконец, особым ответвлением социально-философского проекта можно считать и марксизм, который заложил основу тому, что философ В.М. Межуев удачно назвал «критикой экономического разума» [Межуев, 2005, с. 115].

Проект Ричарда Кантильона

Итак, в первой половине XVIII в. идея отдельной науки экономики отнюдь не была общепринятой. Был заявлен проект «политической арифметики» Петти; Джон Ло дал пример финансовой инженерии; Джон Локк, Буагильбер и другие, включая автора «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо, оставили россыпь частных идей по вопросам, которые позже вошли в корпус экономического знания, – словом, «строительный материал» для здания новой науки накапливался, не хватало лишь проекта самого «здания». Первым, кто наметил и осуществил такой проект, стал Ричард Кантильон, французский коммерсант ирландского происхождения. Его проект разительно отличался от всех других своей методологией.

Во Франции первой трети XVIII в. главным философским авторитетом оставался Декарт, в Англии идейное лидерство уже перешло к Ньютону, во взглядах которого бэконские эпистемологические мотивы мирно уживались с картезианскими установками в методологии. Общим было согласие в том, что наука должна опираться на данные опыта (в чем сходились и картезианское требование «очевидности», и апелляция Ньютона к «фактам и экспериментам»), но на первый план выдвинулось требование логической строгости и систематичности теории. Сочинение Кантильона «*Опыт о природе коммерции: общие вопросы*» [Cantillon, 2015], написанное в начале 1730-х гг. и опубликованное посмертно в 1755 г., отвечало всем этим требованиям.

В работе Кантильона нет методологического введения, есть лишь сам текст как воплощение авторского замысла и комментарии, поясняющие его логику в духе классического типа научной рациональности (см.: [Стёпин, 2000, с. 620–621]). Автор опирается на опыт как источник знания, чтобы выявить базовые черты своего объекта. Он по-картезиански апеллирует к очевидности в виде фактов, наблюдений и примеров из истории, при этом последовательно выстраивает теоретическую систему, отделяя главное от второстепенного, начиная с онтологически первичного и достраивая систему вторичными структурами. Исходный пункт Кантильона – некоторое «естественное состояние»¹³ общества:

¹³ «Термин “природа” (nature) в заголовке “*Опыта*”, явно относящийся к системе связей, объединяющих людей и их группы в единое экономическое общество,

[Д]абы не усложнять предмет исследования, я не рассматриваю колебания рыночных цен, которые могут возникнуть из-за хорошего или плохого урожая, или... других неожиданностей. Я рассматриваю государство лишь в его *естественном и неизменном состоянии* (курсив мой. – О.А.) [Cantillon, 2015, p. 137].

Определяя свою задачу как поиск «причин и принципов, приближающих к истине» (см.: [Ibid., p. 113]), Кантильон решает вопрос о приоритете между теорией и эмпирией в пользу теории, противопоставляя себя предшественникам: бэконинанцу-эмпирику Петти и бэконинанцу-экспериментатору Ло. Поэтому Кантильон – не бэконинанец, пусть и «утонченный», как его классифицировал Прибрам [Pribram, 1983, p. 79].

С Юмом Кантильон разошелся по иному критерию. Выбор между философским и специально-научным знанием он сделал в пользу последнего, что открыло путь к формированию экономики как отдельной научной дисциплины. Ее предметом стал механизм производства и распределения общественного продукта как экономическое ядро «естественного состояния».

Онтологический критерий имеет ключевое значение и для разграничения проектов Кантильона и Дж. Стюарта. В центре внимания Кантильона находятся универсальные черты «естественного состояния». Их вариации во времени и пространстве выведены за рамки базовой теории, в отличие от Стюарта, который, наоборот, делал упор на специфике условий отдельных стран и народов, включая специфику проявления общих закономерностей, свойственных отдельным экономическим явлениям. Кантильон сознательно дистанцировался от ценностных суждений, тогда как Стюарт не менее осознанно отводил место в своей схеме мудрости правителя и увязке экономической политики с обычаями конкретной нации. Кантильон строил свою концепцию в русле естественно-научного канона, сложившегося в ходе научной революции, тогда как Стюарт, возможно, и неосознанно, стремился вывести новую науку из-под его диктата.

Ядро теоретической экономики Кантильона составляет абстрактная схема кругооборота общественного продукта, описывающая движение материальных ресурсов, необходимых для поддержания жизнеспособности общества. Ее основные элементы – это контролируемая ограниченным числом собственников *земля*, пригодная для производства средств жизни, и *трудовые ресурсы* – крестьяне-земледельцы и ремесленники, – обеспечивающие потребности членов

как и термины «естественный» (natural) и «естественно» (naturally), которыми Кантильон воспользовался тридцатикратно, предполагают существование функциональных или причинно-следственных отношений – фундаментальных, устойчивых и относительно неизменных, пусть порой и скрытых внешними обстоятельствами, – словом, экономических систем, как они есть» [Spengler, 1954, p. 286].

общества. Такая экономика детерминирована общим объемом ресурсов, в конечном счете – плодородной землей, и необходимостью поддержания «естественного» состояния системы, т.е. пропорций между видами деятельности как условием жизнеспособности (воспроизводимости) каждого ее элемента. Поведение людей задается требованиями системы и определяется их функцией в ней. Прямым воплощением этой базовой воспроизводственной модели служит натуральное замкнутое хозяйство, в котором увязка производства и потребления происходит по воле собственника, который действует через надсмотрщиков, организующих труд работников.

При переходе к схеме замкнутого *товарно-денежного* хозяйства базовая модель дополняется контуром денежного обращения, который как бы «набрасывается» на натуральное хозяйство в качестве механизма, облегчающего естественное движение материальных ресурсов¹⁴. Это сопровождается трансформацией надсмотрщиков из первой модели в предпринимателей, которые становятся посредниками, организующими товарные потоки между производителями и потребителями.

При этом Кантильон сознавал, что из-за ошибочных решений людей, действующих в системе, и несовершенства механизмов их взаимодействия между естественным состоянием системы и реальностью неизбежны несоответствия. Как он отмечал, «...способ установления рыночных цен не имеет под собой точного, или геометрического, основания, поскольку все зависит от настойчивости или умения торговаться со стороны небольшого числа покупателей или продавцов, другого, более удобного пути, похоже, не существует» [Cantillon, 2015, p. 197]. «Зазор», возникающий между «естественным состоянием» и действительностью, служит в теории Кантильона источником неопределенности в экономической системе. Причем «естественное состояние» определяется у него безотносительно к действию механизма рыночной конкуренции. Последнему вменяется лишь функция, обеспечивающая постепенное схождение фактического состояния системы с «естественным» в процессе колебательного движения.

В попытке интегрировать неопределенность в теорию Кантильон опередил свое время, отступив, в терминах В.С. Стёпина,

¹⁴ В литературе высказывалось предположение, что Юм мог заимствовать свою денежную теорию у Кантильона, получив доступ к его рукописи в период пребывания во Франции в середине 1730-х гг. Эта версия базируется на анализе круга французских знакомств Юма, который отчасти пересекался с кругом общения Кантильона в последние годы его жизни (см.: [Thornton, 2007]). Впрочем, большинство экспертов не считают эту версию убедительной, ссылаясь, в частности, на меньшую степень разработанности этой теории у Юма (см.: [Viner, 1937, p. 74; Murphy, 1986, p. 270–271; van den Berg, 2012, p. 50–51]).

от принципов классической научной рациональности и сделав шаг в сторону рациональности неклассической, к которой мировая наука подошла только в конце XIX в. [Стёпин, 2000, с. 623–626].

Трактовка «естественного состояния», играющего у Кантильона роль, аналогичную состоянию экономического равновесия в более поздних теориях, интересна и в другом отношении. У Смита, как известно, принцип равновесия тесно связан с «невидимой рукой» конкуренции, ведущей экономику к состоянию оптимума. Кантильон обошелся без аналога «невидимой руки». В противовес Смигу, полагавшему, что конкурентное равновесие – это благо для общества, Кантильон не отождествлял естественное с наилучшим. Факторы, детерминирующие «естественное состояние», включают у него элемент, делающий его структуру изменчивой. Это спрос собственников земли – единственного «независимого» сословия. С течением времени этот спрос может меняться, но для определенных периодов времени он задан и выступает параметром «естественного состояния». Кантильон иллюстрировал проблему мысленным экспериментом:

Если... земельному собственнику... вздумается значительно изменить образ жизни, например, если он сократит число домашних слуг и увеличит число лошадей, тогда... [з]емли, прежде предназначенные для содержания этих людей, будут отведены под луга для новых лошадей, а... это вскоре приведет к увеличению числа лошадей и сокращению численности населения [Cantillon, 2015, p. 137].

Этот сценарий Кантильон признавал естественным, но не считал наилучшим. В этом вопросе он разделял типичное для меркантилистской литературы отношение к населению как важнейшему фактору могущества нации. Рост его численности считался одним из главных индикаторов успешной экономической политики.

Можно констатировать, что онтологическая схема Кантильона была вдвойне классической: она соответствовала классическому типу научной рациональности, по Стёпину [Стёпин, 2000, с. 621], поскольку была ориентирована на выявление простых сущностей, лежащих в основе бытия; во-вторых, она впервые ввела продуктовую онтологию, позже ставшую базисом классической политической экономии, в отличие от неоклассической экономики.

* * *

Таким образом, «Богатству народов» Смита предшествовало как минимум пять версий построения научного экономического знания. То, что в XIX в. экономическая наука была признана наукой именно в форме классической политической экономии, было победой проекта Кантильона. Согласно Шумпетеру, базовая модель

экономической науки, «т.е. сознательные усилия по систематизации понятий и зависимостей... развивалась по образцу Кантильона – Кенэ» вплоть до 1870-х гг. [Шумпетер, 2001, с. 737]. Но верно и то, что успех к проекту Кантильона пришел почти через четверть века после смерти инициатора и был во многом обязан картезианцу Кенэ и поклоннику Ньютона Адаму Смиту. То, что они опирались на идеи Кантильона, не отменяет оригинальности и значимости их собственных достижений: без их вклада траектория развития экономической мысли была бы иной. Ретроспективно это был проект Кантильона – Кенэ – Смита.

Его победа вряд ли была случайной. Теоретический проект отвечал научным стандартам, утвердившимся во второй половине XVIII в., консолидировал тогдашнее экономическое знание вокруг универсальной онтологической схемы экономики как предмета новой науки и соответствовал идеологическим запросам эпохи. Однако рационалистическая траектория развития экономической науки имела и свою цену. Усложнение теоретического аппарата, как правило, сопровождалось повышением уровня абстракции, отвлечением от тех свойств объекта, которые не удавалось измерять и моделировать. Уже Кенэ, взяв из «*Опыта*» модель кругооборота, «очистил» теорию Кантильона от неопределенности и «потерял» предпринимателя. Смит, в свою очередь, дополнил идею универсальности «естественного порядка» верой в его соответствие общественному благу, смешав объективное знание с нормативным. И это далеко не все, что было утрачено из наследия Кантильона и что позднее пришлось открывать заново. Формы экономического знания, представленные в альтернативных проектах, оставались и отчасти остаются до сих пор на периферии внимания.

Пример Кантильона – еще одно свидетельство парадоксальности пути познания. Вопрос о значении его «*Опыта*» в истории науки возник лишь в конце XIX в. по счастливой случайности. Заслуга в его постановке принадлежит одному из соавторов маржиналистской революции У.С. Джевонсу, который нашел экземпляр «*Опыта*» в собственной библиотеке годы спустя после его покупки у парижского книготорговца. Прочитав книгу, он назвал ее «колыбелью политической экономии» [Jevons, 1881, p. 68]¹⁵, поставив в один ряд с «*Элементарным курсом химии*» Лавуазье, положившим начало современной химии.

¹⁵ Выражение «колыбель политической экономии» Джевонс снабдил кавычками, противопоставив его позиции Дж. Бёртона [Burton, 1846, p. 354], который этими словами охарактеризовал известную работу Юма «*Политические рассуждения*» (1752). Раньше Джевонса на схожую оценку экономических работ Юма Дюрингом критически отреагировал К. Маркс, также указав на приоритет Кантильона перед Юмом (см.: [Маркс, 1961, с. 250]).

Список литературы

Автономов, 2013 – *Автономов В.С.* Абстракция – мать порядка? // Вопросы экономики. 2013. № 4. С. 4–23.

Ананьин, 2023 – *Ананьин О.И.* Плоды Просвещения: общенаучная среда формирования экономики как науки // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 2. С. 187–204.

Гершенкрон, 2015 – *Гершенкрон А.* Экономическая отсталость в исторической перспективе / Пер. с англ. А.В. Бельх. М.: Дело, 2015. 535 с.

Дюпон де Немур, 2008 – *Дюпон де Немур П.С.* О происхождении и развитии новой науки // Физиократы. Избр. экономические произведения. М.: Эксмо, 2008. С. 489–523.

Капелюшников, 2018 – *Капелюшников Р.И.* О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения // Вопросы экономики. 2018. № 5. С. 110–128.

Локк, 2019 – *Локк Дж.* Некоторые соображения о последствиях снижения процентной ставки и повышения ценности денег / Пер. с англ. // Этика процента: Джон Локк и Иеремия Бентам о природе ссудного процента и его регулировании. Челябинск; М.: Социум, 2019. С. 49–199.

Маркс, 1961 – *Маркс К.* Из «критической истории // *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. Отдел 2, гл. 10 // *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. М.: Политиздат, 1961. С. 237–266.

Маркс, 1962 – *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости // *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. I. М.: Политиздат, 1962. 476 с.

Маркс, 1961а – *Маркс К.* Капитал, том III. Соч. Т. 25. Ч. 1. М.: Политиздат, 1961. 545 с.

Межуев, 2005 – *Межуев В.* Марксово наследие и современная экономическая наука (Круглый стол журнала «Вопросы экономики») // Вопросы экономики. 2005. № 1. С. 115–121.

Милль, 2007 – *Милль Дж.С.* Об определении предмета политической экономии, и о методе исследования, свойственном ей // *Милль Дж.С.* Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо, 2007. С. 985–1023.

Монтескьё, 1955 – *Монтескьё Ш.-Л. де.* О духе законов. М.: Гослитиздат, 1955.

Петти, 1940а – *Петти В.* Verbum sapienti // *Петти В.* Экономические и статистические работы / Под ред. М. Смит. М.: Соцэкгиз, 1940.

Петти, 1940б – *Петти В.* Политическая арифметика // *Петти В.* Экономические и статистические работы / Под ред. М. Смит. М.: Соцэкгиз, 1940.

Расков, 2019 – *Расков Д.Е.* Камерализм книг: переводы Юсти в России XVIII века // Terra Economicus. 17. № 4. С. 62–79.

Смит, 1997 – *Смит А.* Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.

Смит, 2007 – *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. 957 с.

Стёпин, 2000 – *Стёпин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 743 с.

Шумпетер, 2001 – Шумпетер Й.А. История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2001. 1664 с.

Юм, 1996а – Юм Д. Трактат о человеческой природе / Пер. С.И. Церетели // Юм Д. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1996. С. 545–655.

Юм, 1996б – Юм Д. Исследование о человеческом познании / Пер. С.И. Церетели // Юм Д. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 3–144.

Юм, 1996в – Юм Д. О торговле // Юм Д. Малые произведения. М.: Канон, 1996. С. 66–82.

References

Ananyin, O.I. “Obshchenauchnaya sreda formirovaniya ekonomiki kak nauki” [Fruits of the Enlightenment: General Scientific Environment for the Formation of Economics as a Science], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2023, vol. 60, no. 3, pp. 187–204. (In Russian)

Avtonomov, V.S. “Abstraktsiya – mat’ poryadka?” [Is Abstraction the Mother of Order?], *Voprosy Ekonomiki*, 2013, no. 4. pp. 4–23. (In Russian)

Aspromourgos, 2016 – Aspromourgos, T. “William Petty (1623–1687)”, in: G. Faccarello and H.D. Kurz (ed.) *Handbook on the History of Economic Analysis*. Vol. I. Cheltenham: Edward Elgar, 2016, pp. 5–8.

Berlin, 1980 – Berlin, I. *Montesquieu*, in: Berlin, I. *Against the Current*. NY: Viking Press, 1980, pp. 130–161.

Boumans, 2010 – Boumans, M. and J.B. Davis. *Economic Methodology*. Palgrave Macmillan, 2010.

Burton, 1986 – Burton, J.H. *Life and Correspondence of David Hume*, vol. I. Edinburgh: W. Tait, 1846.

Cameron, 1953 – Cameron, R.E. “The Crédit Mobilier and the Economic Development of Europe”, *Journal of Political Economy*, 1953, vol. 61, no. 6, pp. 461–488.

Cantillon, 2015 – Cantillon, R. “Essay on the Nature of Trade in General”, in: Van den Berg, R. (ed.) *Richard Cantillon’s Essay on the Nature of Trade in General*. London: Routledge, 2015, pp. 44–449.

Coleman, 1995 – Coleman, W.O. *Rationalism and Anti-rationalism in the Origins of Economics. The Philosophical Roots of 18th Century Economic Thought*. Aldershot: Edward Elgar, 1995, 177 pp.

Coleman, 1996 – Coleman, W.O. “How Theory Came to English Classical Economics”, *Scottish Journal of Political Economy*, 1996 (43), no. 2, pp. 207–228.

Desmedt, 2005 – Desmedt, L. “Money in the ‘Body Politick’: The Analysis of Trade and Circulation in the Writings of Seventeenth-century Political Arithmeticians”, *History of Political Economy*, 2005, vol. 37, no. 1, pp. 79–100.

Dimand, 2021 – Dimand, R.W. and Rivot, S. “From ‘Science as Measurement’ to ‘Measurement and Theory’”, *European Journal of the History of Economic Thought*, 2021, vol. 28, no. 6, pp. 940–964.

Duarte, 2020 – Duarte, P.G. and Giraud, Y. (eds.). *Economics and Engineering: Institutions, Practices, and Cultures*. Supplement to History of Political Economy, 2020, vol. 52, 309 pp.

Duflo, 2017 – Duflo, E. “The Economist as Plumber”, *American Economic Review*, 2017, vol. 107, no. 5, pp. 1–26.

DuPont de Nemours, 2008 – DuPont de Nemours, P.S. “O proiskhozhdenii i razvitiu novoi nauki” [On the *Origin and Progress of a New Science*], in: *Fiziokraty. Izbrannye ekonomicheskie proizvedeniya* [Physiocrats. Selected Economic Works]. Moscow: Exmo, 2008, pp. 489–523. (Trans. into Russian)

Ekelund and Hébert, 1978 – Ekelund, R.B. and R.F. Hébert. “French Engineers, Welfare Economics, and Public Finance in the Nineteenth Century”, *History of Political Economy*, 1978, vol. 10, no. 4, pp. 636–668.

Finkelstein, 2000 – Finkelstein, A.L. *Harmony and the Balance: An Intellectual History of Seventeenth-Century English Economic Thought*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000, 381 pp.

Galton, 1877 – Galton, F. “Considerations Adverse to the Maintenance of Section F”, *Journal of the Royal Statistical Society*, 1877 (September), pp. 468–473.

Gerschenkron, A. *Ekonomicheskaya otstalost' v istoricheskoi perspektive* [Economic Backwardness in Historical Perspective], trans. by A.V. Belykh. Moscow: Delo, 2015, 535 pp. (In Russian)

Groenewegen, 2002 – Groenewegen, P. *Eighteen Century Economics*. London and New York: Routledge, 2002, 448 pp.

Hazon and Schliesser, 2016 – Hazon, Y. and E. Schliesser. “Newton and Hume”, in: P. Russell (ed.) *The Oxford Handbook of Hume*. New York: Oxford University Press, 2016, pp. 673–707.

Hobbes's Leviathan, 1929 – *Hobbes's Leviathan*. Reprinted from the Edition of 1651. Oxford: Clarendon Press, 1929, 557 pp.

Hume, D. “Traktat o chelovecheskoi prirode” [A Treatise of Human Nature], trans. by S. Tsereteli, in: Hume, D. *Socineniya* [Works], vol. 1. Moscow: Mysl', 1996, pp. 545–655. (Trans. into Russian)

Hume, D. *Issledovanie o chelovecheskom poznanii* [An Enquiry Concerning Human Understanding], trans. by S. Tsereteli, in: Hume, D. *Socineniya* [Works], vol. 2. Moscow: Mysl', 1996, pp. 3–144. (Trans. into Russian)

Hume, D. “O torgovle” [Of Commerce], trans. by M. Gershenon, in: Hume, D. *Malye proizvedeniya* [Essays]. Moscow: Kanon, 1996, pp. 66–82. (Trans. into Russian)

Hume, D. “Of Refinement in the Arts”, in: Hume, D. *Essays and Treatises on Several Subjects: Essays Moral, Political, and Literary*, vol. 1. London, 1784, pp. 285–298.

Humphrey, 1993 – Humphrey, T.M. “The Origins of Velocity Functions”, *Economic Quarterly – Federal Reserve Bank of Richmond*, 1993, vol. 79, no. 4, pp. 1–17.

Ingram, 1962 – Ingram, J.K. “The Present Position and Prospects of Political Economy” (1878), (Cited from: R.L. Smyth (ed.) *Essays in Economic Method. Selected Papers read to the Section F of the British Association for the Advancement of Science, 1860–1913*. London: G. Duckworth & Co., 1962, pp. 41–72).

Ito, 2011 – Ito, S. “The Making of Institutional Credit in England, 1600 to 1688”, *European Journal of the History of Economic Thought*, 2011, vol. 18, no. 4, pp. 487–519.

Jevons, 1881 – Jevons, W.S. “Richard Cantillon and the Nationality of Political Economy”, *Contemporary Review*, 1881, vol. 39, pp. 61–80.

Kapeliushnikov, R.I. “O sovremennom sostoyanii ekonomicheskoi nauki: polysotsiologicheskie nablyudeniya” [On Current State of Economics: Subjective

Semi-sociological Observations], *Voprosy Ekonomiki*, 2018, no. 5, pp. 110–128. (In Russian)

Knoeff, 2012 – Knoeff, R. “Dutch Anatomy and Clinical Medicine in 17th-Century Europe”, in: *European History Online (EGO)*, published by the Leibniz Institute of European History (IEG), Mainz [http://ieg-ego.eu/en/threads/models-and-stereotypes/the-dutch-century/rina-knoeff-dutch-anatomy-and-clinical-medicine-in-17th-century-europe, accessed on 10.02.2023].

Lazear, 2000 – Lazear, E. “Economic Imperialism”, *Quarterly Journal of Economics*, 2000, vol. 115, no. 1, pp. 99–146.

Locke, J. “Nekotorye soobrazheniya o posledstviyakh snizheniya protsentnoi stavki i povyshniya tsennosti deneg” [Some Considerations of the Consequences of the Lowering of Interest and Raising the Value of Money], in: *Etika Protsenta: John Locke i Jeremy Bentham o prirode ssudnogo protsenta i yego regulirovanii* [Ethics of Interest: John Locke and Jeremy Bentham on the Nature of Interest and its Regulation]. Chelyabinsk-Moscow: Sotsium. 2019, pp. 49–199. (Trans. into Russian)

Malynes, G. de. *The Center of The Circle of Commerce*. 1623 [http://name.umdl.umich.edu/A06785.0001.001, accessed on 01.02.2023].

Marx, K. *Teorii pribavochnoi stoimosti* [Theories of Surplus Value], in: K. Marx, F. Engels. *Sochineniya* [Works], vol. 26, part I. Moscow: Politizdat, 1962, 476 pp. (Trans. into Russian)

Marx, K. “Iz ‘kriticheskoi istorii’” [From the Critical History], in: K. Marx, F. Engels. *Sochineniya* [Works], vol. 20, Moscow: Politizdat, 1961, pp. 237–266. (Trans. into Russian)

Mezhuev, V. “Marxovo nasledie i sovremennaya ekonomicheskaya nayka” [Marx’s Legacy and Contemporary Economics], *Voprosy Ekonomiki*, 2005, no. 1, pp. 115–121. (In Russian)

Mill, J.S. “Ob opredelenii predmeta politicheskoi ekonomii; i o metode issledovaniya, svoistvennon ei” [On the Definition of Political Economy and Method of Investigation Proper to It], in: *Osnovy politicheskoi ekonomii s nekotorymi prilozheniyami k sotsial’noi filosofii* [Principles of Political Economy with Some of their Applications to Social Philosophy]. Moscow: Exmo, 2007, pp. 985–1023. (Trans. into Russian)

Moggach, D. “Freedom and Perfection: German Debates on the State in the Eighteenth Century”, *Canadian Journal of Political Science*, 2009, vol. 42, no. 4, pp. 1003–1023.

Montesquieu, Ch-L. *O dukhe zakonov* [Spirit of Law]. Moscow: Goslitizdat, 1955. (Trans. into Russian)

Murphy, 1986 – Murphy, A.E. *Richard Cantillon: Entrepreneur and Economist*. Oxford: Clarendon Press, 1986, 336 pp.

Murphy, 2008 – Murphy, A.E. *The Genesis of Macroeconomics*. Oxford: Oxford University Press, 2008, 246 pp.

Murphy, 2018 – Murphy, A.E. “John Law: A Twenty-First Century Banker in the Eighteenth Century?”, in: Costabile, L. and L. Neal (eds). *Financial Innovation and Resilience*. Cham: Palgrave Macmillan, 2018, pp. 269–288.

Petty, 1940 – Petty, W. “Verbum sapienti”, ed. trans. by M. Smith, in: Petty, W. *Ekonomicheskie i statisticheskie raboty* [Economic and Statistical Writings]. Moscow, 1940, pp. 79–89. (Trans. into Russian)

Petty, 1940 – Petty, W. “Politicheskaya arithmetika” [Political Arithmetics], ed. trans. by M. Smith, in: Petty, W. *Ekonomicheskije i statisticheskie raboty* [Economic and Statistical Writings]. Moscow, 1940, pp. 154–205. (Trans. into Russian)

Pribram, 1983 – Pribram, K. *A History of Economic Reasoning*. Baltimore etc.: John Hopkins University Press, 1983, 764 pp.

Raskov, 2019 – Raskov, D. “Kameralizm knig: perevody Justi v Rossii XVIII veka [Cameralism of Books: Justi’s Translations in Russia in the XVIII Century]”, *Terra Economicus*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 62–79. (In Russian)

Redman, 1996 – Redman, D. “Sir James Steuart’s Statesman Revisited in Light of the Continent Influence”, *Scottish Journal of Political Economy*, 1996, vol. 43, no. 1, pp. 48–70.

Reinert and Daastøl, 1997 – Reinert, E.S. and A.M. Daastøl. “Exploring the Genesis of Economic Innovations: The Religious Gestalt-switch and the Duty to Invent as Preconditions for Economic Growth”, *European Journal of Law and Economics*, 1997, vol. 4, no. 2, pp. 233–283.

Reinert and Daastøl, 2004 – Reinert, E.S. and A.M. Daastøl. “The Other Canon: the history of Renaissance economics”, in: Reinert, E.S. (ed.). *Globalization, Economic Development and Inequality. An Alternative Perspective*. Cheltenham: Edward Elgar, 2004, pp. 21–70.

Sakamoto, 2008 – Sakamoto, T. “Hume’s Economic Theory”, in: E.S. Radcliffe (ed.). *A Companion to Hume*. Malden (MA): Blackwell, 2008, pp. 373–387.

Schabas and Wennerlind, 2020 – Schabas, M. and C. Wennerlind. *A Philosopher’s Economist. Hume and the Rise of Capitalism*. Chicago: University of Chicago Press, 2020, 328 pp.

Schumpeter, J.A. *Istoriya ekonomicheskogo analiza* [History of Economic Analysis]. Saint Petersburg: Ekonomicheskaya shkola, 2001, 1664 pp. (Trans. into Russian)

Skinner, 2006 – Skinner, A.S. “Sir James Steuart: Principles of Political Economy”, in: A. Dow and S. Dow (eds.) *History of Scottish Economic Thought*. London and New York: Routledge, 2006, pp. 71–101.

Smith, 2007 – Smith, A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow: Exmo, 2007, 957 pp. (Trans. into Russian)

Spengler, 1954 – Spengler, J.J. “Richard Cantillon – First of the Moderns – I”, *Journal of Political Economy*, 1954 (LXII), no. 4, pp. 281–295.

Steiner, 2018 – Steiner, Ph. “Philosophie économique. The Case of Physiocrats”, in: *The Foundations of Political Economy and Social Reform. Economy and Society in Eighteenth Century France*. Ed. by R. Kuroki and Y. Ando. London and NY: Routledge, 2018, pp. 63–94.

Stepin, V.S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000, 743 pp. (Trans. into Russian)

Steuart, 1767 – Steuart, Sir James. *An Inquiry into the Principles of Political Economy: Being an Essay on the Science of Domestic Policy in Free Nations*. Vol. I. London: Millar and Cadell, 1767, 639 pp.

Strauss, 1954 – Strauss, E. *Sir William Petty. Portrait of a Genius*. Glencoe: Free Press, 1954.

Su and Colander, 2021 – Su, H.-C. and D. Colander. “The Economist as Scientist, Engineer, or Plumber?”, *Journal of the History of Economic Thought*, 2021, vol. 43, no. 2, pp. 297–312.

Thornton, 2007 – Thornton, M. “Cantillon, Hume, and the Rise of Antimerchantism”, *History of Political Economy*, 2007, vol. 39, no. 3, pp. 453–480.

Tomaselli, 1995 – Tomaselli, S. “Political Economy: The Desire and Needs of Present and Future Generations”, in: Ch. Fox, R. Porter and R. Wokler (eds.) *Inventing Human Science: Eighteenth-century Domains*. Berkeley etc.: University of California Press, 1995, pp. 292–322.

Tribe, 2007 – Tribe, K. *Strategies of Economic Order. German Economic Discourse 1750–1950*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, 285 p.

Van den Berg, 2012 – Van den Berg, R. “Richard Cantillon’s Early Monetary Views”, *Economic Thought*, 2012, no. 1, pp. 48–79.

Viner, 1930 – Viner, J. “English Theories of Foreign Trade before Adam Smith”, *The Journal of Political Economy*, 1930, vol. 38, no. 3, pp. 249–301.

Viner, 1937 – Viner, J. *Studies in the Theory of International Trade*. New York: Harper & Brothers, 1937, 670 pp.

Wakefield, 2009 – Wakefield, A. *The Disordered Police State. German Cameralism as Science and Practice*. Chicago etc.: University of Chicago Press, 2009, 240 pp.

Zouboulakis, 2008 – Zouboulakis, M.S. “Contesting the Autonomy of Political Economy: The Early Positivist Criticism of Economic Knowledge”, *European Journal of the History of Economic Thought*, 2008, vol. 15, no. 1, pp. 85–103.